

А.В. Чудинов
Государственный академический
университет гуманитарных
наук, Москва

ОБРАЗ НАПОЛЕОНА В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ XIX В.

Многочисленные войны, которые Русскому государству пришлось вести на протяжении всей своей многовековой истории, оставили глубокий след в исторической памяти народа и, в частности в фольклоре, который, по крайней мере, до середины XIX столетия, когда народная культура стала испытывать всё более заметное влияние книжного слова, являлся едва ли не единственным хранителем коллективных воспоминаний о коллизиях минувших веков. В этой устной народной литературе, о каких бы войнах прошлого ни шла речь, этнические черты образа врага всегда были размытыми: в разных версиях одного и того же сочинения татары легко могли заменяться поляками, турки – французами, и всё это без ущерба для сути текста. Не приходится говорить и о какой-либо персонификации подобного образа, за единственным, однако, исключением, каковым был образ Наполеона. Проведенные на исходе XIX в. этнографические исследования показали, что из всех зарубежных исторических деятелей только Наполеона крестьяне знали практически по всей России, причем, одобряя разгром его Великой армии в 1812 году, к самому французскому императору относились с долей сочувствия. Исследовав эволюцию этого образа в народной культуре России на протяжении XIX в., автор статьи пришел к выводу, что подобная противоречивость, очевидно, была связана с бытованием среди русского народа в некоторые периоды истории легенды о Наполеоне как возможном освободителе крепостных людей от неволи.

Ключевые слова: история, фольклор, Россия, Отечественная война 1812 года, Наполеон

Благодарности: Исследование выполнено в Государственном академическом университете гуманитарных наук: проект № FZNF 2022–0002 «Народные движения в защиту традиционных ценностей от французской революционной экспансии в Западной Европе и России конца XVIII – начала XIX вв.», реализуемый по итогам отбора научных проектов, проведенных Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

Цитирование: Чудинов А.В. Образ Наполеона в русском фольклоре XIX в. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-286-296 // Французский ежегодник 2022: Французы за пределами Франции. Т. 55. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 286-296.

Поступила в редакцию: 04.01.2022

Принята к печати: 24.02.2022

Alexander Tchoudinov
State Academic University
for the Humanities, Moscow

THE IMAGE OF NAPOLEON IN RUSSIAN FOLKLORE OF THE 19th CENTURY

The numerous wars that the Russian state had to wage throughout its centuries-old history left a deep mark on the historical memory of the people and, in particular, in folklore, which, at least until the middle of the 19th century, when folk culture began to experience an increasingly noticeable influence of the book word, was almost the only keeper of collective memories about the collisions of the past centuries. In this oral folk literature, no matter what wars of the past were discussed, the ethnic features of the image of the enemy were always blurred: in different versions of the same composition, Tatars could easily be replaced by Poles, Turks by Frenchmen, and all this without prejudice to the essence of the text. It's impossible to talk about any personification of such an image, with the only exception, however, which was the image of Napoleon. The ethnographic studies which were fulfilled at the end of the 19th century have shown that of all the foreign historical figures, only Napoleon was known by peasants almost all over Russia, and while approving the defeat of his *Grande Armée* in 1812, the French emperor himself was treated with a share of sympathy. Having studied the evolution of this image in the popular culture of Russia during the 19th century, the author of the article concluded that such inconsistency was obviously connected with the existence of the legend on Napoleon among the Russian people in some periods of history. According this legend Napoleon could became a possible liberator of Russian serfs from bondage.

Keywords: history, folklore, Russia, the Patriotic War of 1812, Napoleon
Acknowledgements: The research was carried out at the State Academic University of Humanities: project No. FZNF 2022-0002 "Popular

movements in defense of traditional values from the French revolutionary expansion in Western Europe and Russia of the late XVIII – early XIX centuries", implemented on the results of the selection of scientific projects done by the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation and the EISI.

Citation: Tchoudinov, A., (2022) *Образ Наполеона в русском фольклоре XIX в.* [The Image of Napoleon in Russian Folklore of the 19th century]. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-286-296. *Annual of French Studies* 2022, vol. 55, p. 286-296.

Многочисленные войны, которые Русскому государству пришлось вести на протяжении всей своей многовековой истории, оставили глубокий след в исторической памяти народа и, в частности в фольклоре, который, по крайней мере, до середины XIX столетия, когда народная культура стала испытывать всё более заметное влияние книжного слова, являлся едва ли не единственным хранителем коллективных воспоминаний о коллизиях минувших веков.

Впрочем, разные события прошлого отпечатались в памяти народа с разной степенью отчетливости. Когда на рубеже XIX – XX вв. Этнографическое бюро князя Тенишева проводило исследование крестьянского мира в 32 губерниях Центральной России и, в частности, исторических знаний селян, то выяснилось, что из зарубежных деятелей более или менее отдаленного прошлого крестьяне твердо знают лишь одного – Наполеона Бонапарта¹. Чем заслужил он подобное отличие? Об этом и пойдет речь далее.

Впервые имя Наполеона русские мужики узнали еще до войны 1812 года. В начале зимней кампании 1806/7 гг. Святейший Синод по случаю созыва царем народного ополчения обратился к верующим с объявлением, которое было зачитано во всех православных храмах империи. В этом документе император французов объявлялся «неистовым врагом мира и благословенная тишины», дерзнувшим «в иступлении злобы своей угрожать свыше покровительствуемой России вторжением в ее пределы, разрушением благоустройства» и т. д. Далее перечислялись многочисленные «прегрешения» Наполеона: «во время богопротивной революции <...> отложился он от Христианской веры», в Египте «проповедывал алкоран Магометов», во Франции «установил новый сангедрин Еврейский» и «теперь помышляет соединить Иудеев <...>

¹ Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. С. 171-172.

и устремить их на ниспровержение Церкви Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний) на провозглашение лжемессии в лице Наполеона»².

После столь беспрецедентного по тяжести вменяемых проступков обвинения, оглашенного перед всей страной, как свидетельствует Петр Вяземский, «имя Бонапарта (немногие называли его тогда Наполеоном), сделалось очень известным и популярным во всех углах России»³. Не удивительно, что признание на столь высоком уровне за этим, тогда еще таинственным для большинства русских, персонажем подобной, совершенно невероятной для простого смертного претензии на роль лжемессии, ставившей его вровень с Антихристом, сделало Наполеона одним из наиболее колоритных фольклорных персонажей.

Тот же Вяземский сообщает о подслушанном им разговоре двух мужичков, обсуждавших весть о свидании Александра I с Наполеоном на Немане, близ Тильзита: «“Как же это, – говорит один, – наш батюшка, православный царь, мог решиться сойтись с этим окаяннм, с этим нехристом. Ведь это страшный грех!” – “Да как же ты, братец, – отвечал другой, – не разумеешь и не смекаешь дела? Разве ты не знаешь, что они встретились на реке? Наш батюшка именно с тем и повелел приготовить плот, чтобы сперва окрестить Бонапартия в реке, а потом уже допустить его пред свои светлые, царские очи”»⁴.

Однако изображение Наполеона персонажем, наделенным сверхъестественными способностями, – ведь только такой и мог угрожать не много, не мало, но самому существованию христианской веры в целом – повлекло за собой результат, на который явно не рассчитывали авторы обращения. Молва приписала этому «сверхчеловеку» намерения, которых реальный Бонапарт не имел, но которые соответствовали чаяниям крепостных. Известный специалист по истории народной культуры Леонид Владимирович Домановский в свое время констатировал тот факт, что после заключения Тильзитского мира 1807 г. в «низах» русского общества поползли слухи, будто бы «Бонепарте писал царю, чтоб освободил всех крестьян, в противном случае война будет всегда»⁵.

² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 29. С. 928.

³ Вяземский П.А. Старая записная книжка // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. СПб., 1883. Т. 8. С. 255.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: Чистов К.В. Русская народная утопия. СПб., 2003. С. 234.

Впрочем, в народной устной литературе имя Наполеона связано, прежде всего, с событиями Отечественной войны 1812 года. И здесь его образ лишен каких бы то ни было исторических черт и выстроен в соответствии с традиционным для русского фольклора архетипом иноземного завоевателя. Сюжеты исторических песен о войне 1812 года нередко заимствуются из произведений об исторических событиях древности. Так, например, обстоит дело с сюжетом песни о том, как накануне войны Наполеон якобы написал письмо Александру:

Наполеон-король пишет нашему царю белому:
«Я прошу тебя, православный царь, не прогневаться,
Распиши мне квартирушки на семьсот тысяч
В своем стольном городе, кременной Москве.
Господам нашим генералушкам по своим купцам,
А мне, Наполеону-королю, свои царские палаты!»⁶

Подобная прелюдия будущего военного противостояния традиционна для фольклорных произведений и встречается еще в былинах. К примеру, в известной былине «Илья Муромец и Идолище Поганое» татарский царь Идолище пишет князю Владимиру в стольный Киев-град:

Написал он в ярлычках скорописчатых:
«Я зайду, зайду, Идолище, во Киев-град,
Я ведь выжгу Киев-град, божьи церквы;
Выбирался-то чтобы князь из палатушек:
Я займу, займу палаты белокаменны»⁷.

Можно отметить и другие сюжетные и стилистические параллели между народными историческими песнями о 1812 году и былинами. Так, чрезвычайно популярная в народе и зафиксированная этнографами в десятках версий песня о посещении Наполеона атаманом Платовым перекликается с аналогичной коллизией былины «Илья Муромец и Идолище в Царьграде». В первом произведении атаман Платов, переодевшись купцом, приезжает к Наполеону и обедает с ним за одним столом⁸, во второй Илья Муромец в рубище калики перехожей приходит в якобы занятый татарами Царьград и проделывает тот же самый трюк с их царем Идолищем⁹.

⁶ Исторические песни. Баллады. М., 1986. С. 446.

⁷ Былины / Под ред. Ф. М. Селиванова. М., 1988. С. 150.

⁸ Исторические песни XIX века. Л., 1973. С. 88 116.

⁹ Былины. С. 158 160.

С этой же былиной, кстати, перекликается также весьма популярная в народе песня о том, как князь Кутузов «допрашивает» французского майора. Илья Муромец в былине тоже допрашивает татарина и, получив нежелательный для себя ответ, поступает с пленником весьма сурово: «Хватил он татарина за руку,/ Бросил он его во чисто поле,/ Разлетелись у него тут косточки»¹⁰. Столь же «немилосердно» поступает с пленным майором фольклорный Кутузов: «Как на это князь Кутузов да разсердился,/ Как ударил он майора да по роже,/ Он по роже да во правую щеку...»¹¹.

Вернемся, однако, к Наполеону. Ему фольклорная традиция тоже приписывает те поступки, которые он должен был совершать в соответствии с архетипическими представлениями об иноземном захватчике, но которые не имели никакой прямой связи с реалиями войны 12-го года. Так, определяющей чертой образа иностранного врага народная традиция считала ненависть к христианской вере¹² и соответственно приписывала подобную мотивацию фольклорному Наполеону. В сказке «О французском царе Палеоне» этот антигерой решает напасть на Россию, «завидуя *благочестивой жизни* нашего батюшка-государя Олександры Павловича»¹³. Соппротивление Наполеону герои произведений устной литературы считают борьбой в защиту своей веры, как, скажем, казаки в одной из исторических песен, заявляющие французскому императору: «Не бывать тебе, злодею,/ В нашей каменной Москве./ Не снимать тебе, злодею,/ Золоты главы с крестов»¹⁴.

И, напротив, поражение Наполеона в войне безымянные авторы устной литературы изображают как Божью кару за его святотатства:

Наперед идут князья, бояре
Впереди их идет Александра-царь,
Наголо несет он саблю вострую:
«Ты злодей, шельма, Наполеон-король!
Ты зачем приходил в кременную Москву
И разорил ты наши все церкви божии?
За то на тебя Господь Бог прогневался,
Да и я, государь рассердился»¹⁵.

¹⁰ Там же. С. 158.

¹¹ Исторические песни XIX века. С. 57–60.

¹² Подробнее см.: Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // ФЕ 2012. М., 2012. С. 336–365.

¹³ Народная проза. М., 1992. С. 257.

¹⁴ Исторические песни XIX века. С. 62.

¹⁵ Там же. С. 71. Курсив мой. – А.Ч.

Порою ненависть к христианской вере, приписываемая в подобных произведениях Наполеону, сочеталась с еще одной характерной чертой архетипического врага, а именно – корыстью и жадной наживы:

Поснимал с церквей иконы, понабил свои обозы –
Разжиться хотел, разжиться хотел.
Он разжиться не разжился, только с корнем разорился,
Сам шельмец сбежал, сам шельмец сбежал¹⁶.

Присуща фольклорному Наполеону и такая специфическая особенность традиционного образа неприятеля, как немыслимая жестокость. Проявляется она, прежде всего, по отношению к военному противнику – к русским: «Француз силу нашу бьет,/ Он и силу нашу бьет,/ Во полон живых берет,/ Во полон живых берет,/ Да с живых кожу дерет»¹⁷. Впрочем, к своим этот герой фольклора тоже немилосерден. В народной пьесе для ярмарочного театра «Как француз Москву брал» ее главное действующее лицо, «царь Бонапарт», приказывает отравить раненных французов, чтобы не платить им потом пенсию¹⁸. Не исключено, впрочем, что здесь мы имеем дело с искаженным отголоском утверждений антинаполеоновской публицистики о том, что, отступая из Сирии, Бонапарт поступил со своими ранеными именно таким образом.

Хотя фольклорный портрет Наполеона практически лишен исторических черт, нельзя сказать, что он совсем обезличен и сводится исключительно к архетипическому образу внешнего врага. Отнюдь. Если намерения большинства антигероев устной народной литературы не простираются дальше захвата Русской земли, то французский император в ряде текстов откровенно претендует на мировое господство:

Наполеон наш, Наполеон
Шел на Россию, шел он воевать,
Да хотел же всем светом владать,
Да Александре-царю страх задать¹⁹.

Необычна также для архетипического образа иноземного завоевателя тема лжемессии, звучащая в некоторых устных текстах о Наполеоне, очевидно, под влиянием обращения Святейшего Синода:

¹⁶ Исторические песни: народная поэзия Арзамасского края. Арзамас, 2006. С. 126.

¹⁷ Исторические песни XIX века. С. 78.

¹⁸ Народный театр. М., 1991. С. 219.

¹⁹ Исторические песни. Баллады. С. 454.

Во Франции шут родился, во Париже объявился
Наполеон, Наполеон.
Его сразу не узнали, за мессию принимали –
Шел он на Москву, шел он на Москву²⁰.

Возможно, в той же связи народные сказители порою приписывали Наполеону сверхъестественные способности. Например, в уже упомянутой сказке о «царе Палеоне» этот персонаж и его окружение обладают способностью поедать металлические предметы. Прибыв к русскому двору, Палеон и французские «енаралы» приказали им поставить самовар. Самовар скипел; вот они начали кушать чай, пили, пили, все из самовара выпили, самовар съели и чашки съели, а все было серебряное...»²¹

В литературе XIX в. можно встретить немало свидетельств того, что указанное объявление Святейшего Синода, где Наполеон был фактически приравнен к Антихристу, произвело сильное впечатление на современников, особенно на тех, что обладали достаточно живым воображением. Артиллерийский офицер Илья Радужицкий так начинает свои воспоминания о том времени: «Наполеон с высоты престола своей воинственной монархии рассеивал ужас по всей Европе. Имя его приводило в трепет не только Немецкую чернь, но и Русскую, которая не иначе о нем разумела, как об Антихристе, по сходству имени его с апокалипсическим Аполлионом. Оно было камнем преткновения для Русских мудрецов»²². Суть этого мифа об «Наполеоне-Антихристе» Николай Васильевич Гоголь весьма выразительно и не без иронии изложил в «Мертвых душах», говоря о предсказании «одного пророка, уже три года сидевшего в остроге; пророк пришел неизвестно откуда в лаптях и нагольном тулупе, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвестил, что Наполеон есть антихрист и держится на каменной цепи, за шестью стенами и семью морями, но после разорвет цепь и овладеет всем миром»²³.

Однако в собственно фольклорных произведениях, мне так и не удалось найти сколько-нибудь заметных следов этого мифа об «Аполлионе-Антихристе», распространявшегося среди грамотной публики. Да, безымянные авторы произведений устной ли-

²⁰ Исторические песни: народная поэзия Арзамасского края. С. 126.

²¹ Народная проза. С. 258.

²² Радужицкий И. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. М., 1835. Ч. 1. С. 16.

²³ Гоголь Н.В. Мертвые души // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. М., 1953. Т. 5. С. 215.

тературы порою признавали за Наполеоном сверхъестественные способности, но в целом они рисовали его потрет далеко не одними лишь темными красками, в отличие от образа Антихриста. В некоторых исторических песнях к Наполеону, действительно, применялись оскорбительные эпитеты:

Как во той-то было во французской земелюшке,
Появился там сукин враг – Наполеон-король²⁴.

Однако в других звучит сожаление о его судьбе, причем, с известной долей сочувствия. По своему тону такие песни близки к плачу:

Как несчастненький, бесталанненький француз зародился,
Ни в чем счастья французиньке не было,
Вот побили, погромили у французиньки всю армеюшку²⁵.

Интересно, что исходным материалом для этой песни явно послужила более ранняя – о прусском короле, появившаяся после разгрома последнего тем же Наполеоном в 1806 г.:

Разнесчастный, бесталанный король прусский уродился,
Ничего-то наш королушка не знает,
Только знает король: ушла его армеюшка воевати,
Воевать-то ушла под вора-француза,
Побил-порубил вор-французик
Всю силу войскую...²⁶

Об амбивалентности образа Наполеона в русском фольклоре свидетельствует также употребление по отношению к нему противоположных по знаку эпитетов в разных версиях одного и того же произведения устной литературы. Так, в одних вариациях широко известной народной песни «О разорении Москвы» имя Наполеона упоминается с определением «злой», в других – «славный»:

Разорил Москву неприятель наш,
Неприятель злой наш Палеон²⁷.

Кто Москву разбил,
Разбивал Москву
Неприятель наш,

²⁴ Исторические песни XIX века. С. 45.

²⁵ Там же. С. 82.

²⁶ Там же. С. 34.

²⁷ Там же. С. 53.

Да, мол, славный Полиён,
Полиёнщик, да мол, славный молодой²⁸.

Знаю-ведаю, кто Москву разбил –
Разбивал Москву неприятель наш,
Неприятель наш – славный Наполеон.
Наполеонщикек – парень молодой²⁹.

Почему в одном произведении употребляются столь разные, можно даже сказать, диаметрально противоположные характеристики? В качестве рабочей гипотезы могу только предположить, что какие-то отголоски народных представлений о Наполеоне как возможном освободителе крестьян от крепостной зависимости пережили даже «грозу 12-го года» и пожар Москвы, чем и вызваны были подобные выражения жалости и сочувствия к его судьбе.

И не потому ли, когда в ходе ранее упомянутого мною исследования исторических представлений крестьян, осуществленного по инициативе князя Тенишева, этнограф читал и обсуждал с крестьянами историю войны 1812 г., они радовались, слушая отрывки «о падении Наполеоновской армии, но личные его достоинства восхваляли»³⁰.

REFERENCES

- Буганов А.В.* Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. Москва, 1992 [Buganov A.V. Russkaia istoriia v pamiaty krest'ian XIX veka i natsional'noe samosoznanie. Moskva, 1992].
- Былины / Под ред. Ф.М. Селиванова.* М., 1988 [Byliny / Pod red. F.M. Selivanova. Moskva, 1988].
- Вяземский П.А.* Старая записная книжка // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. Санкт-Петербург, 1883. Т. 8 [Viazemskii P.A. Staraia zapisnaia knizhka // Polnoe sobranie sochinenii kniazia P.A. Viazemskogo. Sankt-Peterburg, 1883. T. 8].
- Гоголь Н.В.* Мертвые души // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. Москва, 1953. Т. 5 [Gogol' N.V. Mertvye dushi // Gogol' N.V. Sobranie sochinenii v shesti tomakh. Moskva, 1953. T. 5].
- Исторические песни: народная поэзия Арзамасского края.* Арзамас, 2006 [Istoricheskie pesni: narodnaia poëziia Arzamasskogo kraia. Arzamas, 2006].

²⁸ Там же. С. 54.

²⁹ Исторические песни: народная поэзия Арзамасского края. С. 112.

³⁰ Буганов А.В. Указ. соч. С. 172.

- Исторические песни. Баллады. Москва, 1986 [Istoricheskie pesni. Ballady. Moskva, 1986].
- Народная проза. Москва, 1992 [Narodnaia proza. Moskva, 1992].
- Народный театр. Москва, 1991 [Narodnyĭ teatr. Moskva, 1991].
- Полное собрание законов Российской империи. Санкт-Петербург, 1830. Т. 29 [Polnoe sobranie zakonov Rossiĭskoi imperii. Sankt-Peterburg, 1830. T. 29].
- Радожницкий И.* Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. Москва, 1835. Ч. 1 [Radozhitskii I. Pokhodnye zapiski artillerista, s 1812 po 1816 god. Moskva, 1835. Ch. 1].
- Чистов К.В.* Русская народная утопия. Санкт-Петербург, 2003 [Chistov K.V. Russkaia narodnaia utopiia. Sankt-Peterburg, 2003].
- Чудинов А.В.* С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. Москва, 2012. С. 336-365 [Tchoudinov A.V. S kem voeval russkii muzhik v 1812 godu? Obraz vraga v massovom soznanii // Frantsuzskii ezhegodnik 2012: 200-letnii iubilei Otechestvennoi voiny 1812 goda. Moskva, 2012. S. 336-365].

Чудинов Александр Викторович

доктор исторических наук, профессор
Государственный академический
университет гуманитарных наук
119049, Москва,
Мароновский переулок, 26
главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а
e-mail: tchoudin@mail.ru

Alexander Tchoudinov

Dr. Hab. (History), Professor
State Academic University
for the Humanities
26 Maronovskiy pereulok 119049,
Moscow
Chief Researcher,
Institute of World History of
the Russian Academy of Sciences
32a, Leninski Ave.,
119334 Moscow, Russia
e-mail: tchoudin@mail.ru
Researcher ID B-9655-2017
ORCID: 0000-0003-2522-453X
Scopus ID: 26034936800